

УДК 809.423-3
ББК Ш164.2-33
DOI 10.51955/2312-1327_2021_1_132

К ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА УХЭЛ ‘СМЕРТЬ’ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

*Татьяна Боровна Тагарова,
orcid.org/0000-0002-6581-035X,
доктор филологических наук, профессор
Иркутский государственный университет,
ул. Ленина, 8
Иркутск, 664003, Россия
boroevna@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрен концепт *ухэл* ‘смерть’, вербализованный фразеологическими единицами (ФЕ) бурятского языка, в лингвокультурологическом аспекте. Выявлены отличия в понимании концепта *ухэл* ‘смерть’ в бурятской наивной картине мира и научном типе сознания, заключающиеся в вере в существование жизни души после смерти в языковой картине мира бурят и отрицании этого в научной картине мира. Бытование ФЕ со значением смерти демонстрирует связь с древними обрядовыми действиями по погребению покойного, что подтверждается в общемонгольском памятнике письменности «Сокровенное сказание монголов» 1240 г. Наивная картина мира носителей бурятского языка-буддистов посредством ФЕ отражает понимание смерти как перехода на другой уровень жизни в новом физическом теле, однако последующая жизнь зависит от предыдущего образа жизни. Мировидение шаманистов также сводится к вере в загробную жизнь, но в существование в виде бестелесного духа. Фразеологическое значение развивается путем метонимизации и метафоризации из исходного свободного словосочетания. При этом отмечается более значимая роль денотата. Выявляется яркая функционально-стилистическая дифференциация ФЕ о смерти. Семантическое поле *ухэл* ‘смерть’ демонстрирует широту функций данной лексемы.

Ключевые слова: бурятский язык, концепт ‘смерть’, лингвокультурология, фразеологическая единица, языковая картина мира, научная картина мира, шаманистический, буддизм.

ON PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT *UKHEL* ‘DEATH’ IN THE BURYAT LANGUAGE

*Tatiana B. Tagarova
orcid.org/0000-0002-6581-035X
Doctor of Philology, Professor,
Irkutsk State University,
Lenin Street, 8
Irkutsk, 664003, Russia,
boroevna@yandex.ru*

Abstract. The paper considers the concept *ukhel* 'death' verbalized by phraseological units of the Buryat language in the linguoculturological aspect. Differences in understanding of the

concept *ukhel* 'death' in the Buryat naive view of the world and the scientific type of consciousness, namely, the belief in the existence of the soul after death in the linguistic view of the world and its denial in the scientific world-image are revealed. The existence of phraseological units with the meaning of death demonstrates the connection with the ancient ritual actions for the burial of the deceased, which is confirmed in the Mongolian literary work "The Secret History of the Mongols" in 1240. The naive view of the world of Buryat speakers-Buddhists through phraseological units reflects the understanding of death as a transition to another level of life, in a new physical body, but the subsequent life depends on the previous way of life. The worldview of shamanists is also reduced to the belief in an afterlife, but in the existence of a disembodied spirit. Phraseological meaning is developed by metonymization and metaphorization from the original free phrase. At the same time, a more significant role of the denotation is noted. A bright functional and stylistic differentiation of the phraseological unit about death is revealed. The semantic field *ukhel* 'death' demonstrates the breadth of the functions of this lexeme.

Keywords: Buryat language, the concept 'death', linguoculturology, phraseological unit, linguistic view of the world, scientific world-image, shamanistic, Buddhism.

Введение

В последнее время в отечественном языкознании наблюдается ярко выраженный интерес к изучению концептов, чему посвящены исследования Е.С. Кубряковой, В.И. Карасика [Антология концептов, 2007], И.А. Стернина [Антология концептов, 2007], З.Д. Поповой, С.Г. Воркачева, Г.Г. Слышкина, В.З. Демьянкова, М.В. Пименовой, Е.А. Пименова, Н.Н. Болдырева, А.П. Бабушкина, А.В. Кравченко, Ю.С. Степанова, Н.Ф. Алефиренко и др.

Актуальность данной работы обусловлена отсутствием многостороннего анализа языковых единиц, представляющих концепт *үхэл* 'смерть' в рамках лингвокультурологии с целью постижения языковой картины мира. Также вызывает интерес тот факт, что лексема *үхэл* 'смерть' широко используется для обозначения явлений, не связанных напрямую с реалиями и смерти. И это свидетельствует о неоднозначности, многомерности этой языковой единицы (*үхэхэн хүнөө нэхэхэ* ≈ вчерашний день искать (букв. у умершего выпытывать); *үхэхэн мяхан* ≈ в стельку пьян (букв. мертвое мясо) и т.д.

Объект исследования – концепт *үхэл* 'смерть'. В качестве предмета исследования выступает фразеологическая репрезентация концепта *үхэл* 'смерть' в бурятской языковой картине мира.

Цель работы состоит в попытке реконструкции концепта *үхэл* 'смерть' как фрагмента национальной картины мира, вербализуемой посредством ФЕ и их компонентов, в определении языковых признаков данного концепта.

Материал и методы

Материалом исследования явились бурятские и русские фразеологические словари.

Выбор ФЕ в качестве материала обусловлен их способностью отражать исторический опыт народа, давать информацию о тех знаниях, которыми располагает культура. В работе использовались семантический, контекстуальный, сопоставительный, описательный методы.

Еще в XIX в. В. Гумбольдт подчеркивал, что наивная картина мира присуща любому языку. «Реальный мир в значительной степени неосознанно

строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы», писал он [Гумбольдт, 1984, с. 104].

Вопрос о картине мира тесно связан с вопросом о степени универсальности привычных для носителя языка семантических категорий. Прежде всего, можно отметить универсальность в антропоцентричности ФЕ.

Методологической основой для нашей работы служит указание В.А. Масловой на антропоцентричность и оценочность, как важнейшее свойство картины мира: «Анализируя языковую картину мира, создаваемую фразеологизмами, можно назвать следующие ее признаки – пейоративность, антропоцентричность. Так, антропоцентричность картины мира выражается в ее ориентации на человека, т. е. человек выступает как мера всех вещей: близко – под носом, под рукой, рукой подать, под боком; много – с головы до пят, полон рот (забот); быстро – и глазом не моргнул, во мгновение ока, сломя голову, ног под собой не чуя... и т.д.» [Маслова, 2001, с. 67].

Достаточно четко определение языковой картины мира: «Языковая картина мира – исторически сложившаяся в сознании языкового коллектива и отраженная в языке система образов и представлений человека об окружающей его действительности, способ концептуализации действительности, обозначение репрезентированной в языке действительности» [Стариченок, 2008, с. 722].

Общеизвестно, что фразеологический состав языка ярко отражает национальную культуру народа, определённые культурные установки, эталоны, архетипы этноса.

Логично отведение ведущей роли в лингвокультурологии анализу ФЕ: «Лингвокультурологический анализ ставит перед собой цель изучения способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как «остов» его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов» [Телия, 1999, с. 15].

Монгольский лингвист Ж. Баянсан рассуждает в этом же ключе: «*Хэрэв монголын нүүдэлчдийн соёл иргэншлийн онцлогийг хэлний илэрхийллээр зуучлан судалж байгаа бол уг асуудлын судлагдахуун нь чухам юу байх ёстой юм бэ гэсэн асуулт гарах нь зайлшгүй юм. Тэгвэл ардын үлгэр домог, ерөөл магтаал, туульс, ардын дуу шүлэг зэрэг билиг сургаалын зүйлсээс авахуулаад, зүйр цэцэн үг, өвөрмөц, хэвшмэл хэллэг, оньсого таавар зэрэг хэлний тогтвортой илэрхийллүүд юуны түрүүнд судалгааны хэрэглэгдэхүүн болох юм*» [Баянсан, 2016, с. 27].

Известны труды таких ученых монголоведов, как Г.Ц. Пюрбеев, Л.Г. Скородумова, Т.С. Есенова, С.М. Трофимова, В.И. Рассадин, Д.Д. Санжина, Г.А. Дырхеева, Е.А. Бардамова, Н.П. Дондокова, Е.В. Сундуева, Д.П. Хинзеева, Б. Уранчимэг, Ц. Ширнэн, С. Дулам, Д.Д. Лагаева, В.Д. Патаева, А.Э. Гармаева, Р.В. Бухаева и др., охвативших разнообразные сферы проявления различных концептов монгольских языков. Их объединяет рассмотрение концептов, демонстрирующих национально специфичную лингвокультуру.

Мы следуем точке зрения Ю.С. Степанова: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [Степанов, 2004, с. 42-67].

В нашей работе вслед за отечественными учеными В.Н. Телия, В.Л. Архангельским, О.С. Ахмановой, Н.М. Шанским, Т.А. Бертагаевым, Ш.-Н.Р. Цыденжаповым, Ц.Б. Будаевым и др. мы следуем «широкой» точке зрения на фразеологию, включая в объем нашего материала и паремии, представляющие собой глагольно-пропозициональные структуры.

В рамках нашей работы мы принимаем определение фразеологизма, предложенное В.Н. Телия: «Фразеологизм (фразеологическая единица) – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [Телия, 1998, с. 559].

Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Он считает, что языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их. Лингвист отмечал, что, изучая семантику ФЕ, можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира [Апресян, 1995, с. 252].

На наш взгляд, справедливо мнение о том, что «Паремии обладают целостным обобщенно-переносным значением и могут рассматриваться как фразеологизмы с замкнутой предикативной структурой» [Солодуб и др., 2002, с. 195].

Известно, что понятие языковой или наивной картины мира, противопоставляемой научной картине мира, которую понимают как систему наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов этой науки [Теоретические основы..., 2021].

Анализ и результаты

Отражение концепта үхэл 'смерть' в языковой картине мира бурят.

Поскольку мы рассматриваем концепт, обозначенный как үхэл 'смерть', с одной стороны, как языковое явление, с другой стороны, как часть культуры (в смысле комплекса разных обрядов, ритуалов, сопровождающих это явление, а также ментального отношения носителей языка), то считаем нужным привести его характеристики с точки зрения других наук.

Выделяется мнение о том, что смерть нельзя рассматривать как противоположность жизни, т.к. смерть – это не отсутствие жизни, а её окончание, завершение, что логично. Поэтому смерти противостоит не жизнь, а рождение. В бурятской ФЕ эти два противоположные по сути понятия

располагаются в одном контексте: *Үхэхэ түрэхэ хоёр нэгэн* – ‘Рожать что умирать’.

В Законе Российской Федерации от 22 декабря 1992 года № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» в статье 9 «Определение момента смерти» говорится: «Заключение о смерти дается на основе констатации необратимой гибели всего головного мозга (смерть мозга)...».

Биологическая смерть представляет собой необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и тканях нервной системы, так как они являются наиболее критичными к требованиям дыхания, ср.: *ами таһалха* ≈ лишить жизни (букв. дыхание, жизнь прервать).

В бурятской фразеологии находим отражение связи смерти с отделением головы от туловища, т.е. голова есть средоточие жизни: *толгой (тархи) таһалха* ‘голову оторвать’, *толгой (тархи) эдихэ* ‘голову съесть’, *толгойгоо алдаха* ‘голову терять’, *тархим таһараг!* ≈ голову даю на отсечение! ‘голова моя пусть оторвется’ и т.д. Здесь *толгой* и *тархи* – абсолютные синонимы, отметим, что *тархи* входит в состав анатомического термина – *уураг тархи* ‘мозг’. Также остановка сердца прямо связывается со смертью: *зүрхэнниинь тогтоо* ‘сердце остановилось’, *зүрхэнниинь хахараа* ‘сердце разорвалось’ (об инфаркте) и т.д. Таким образом, понимание смерти в части ФЕ находится в полном соответствии с научным толкованием.

В общемонгольской буддийской культуре смерть означает не абсолютный конец жизни, а переход в иное состояние, перерождение в другом пространстве и времени.

Смертность человека стала одной из важнейших причин появления и развития религий. Вера в загробную жизнь породила всевозможные ритуалы сопровождения умершего в последний путь, такие, как торжественные похороны: бур. *хүдөө табилга* (букв. в степь укладывание), *хада гэртэ оруулга* (букв. в горный дом занесение), *буян хэхэ* делать благодеяние, *дүшэ юһэн хоног тарааха* (букв. сорок девять дней распускать, закрывать), *яһынь бариха* 1) хоронить с соблюдением ритуала; 2) (по Хангалову) поминки на третий день после похорон [Хангалов, 1958, с.24] (букв. кости держать) и т.д.

Поскольку большинство религий утверждает существование нематериальной души, они, в основном, полагают, что смерть человека – лишь гибель тела, и описывают различные варианты дальнейшего существования личности в виде духа или последующего возрождения в новом теле, либо вечного, либо заканчивающегося достижением нирваны (в буддизме) или жизни вечной (в христианстве).

Так, реинкарнация в буддизме предполагает, что душа человека после смерти воплощается в новом теле. При этом допускается, что прожитая ранее жизнь может повлиять на последующую: *урда түрэл* ‘предыдущее родство’, *хойто түрэл* ‘последующее родство’, *хойто наһан* ‘последующая жизнь’, *хүн боложо түрэхэ* ‘родиться человеком’, *уйлын үри амсаха* ‘пожинать плоды кармы’ и т.д. Данные ФЕ находятся в активном фонде бурятского языка.

В христианстве причиной смерти считается греховность человека: «Возмездие за грех – смерть. Это означает, что «безгрешный человек» не будет

знать смерти духовной и будет жить вечно [Царенко, 2009]. Образование многих ФЕ связано с общечеловеческим знанием о свойствах жизни, смерти. Так, буряты, согласно «наивной картине мира», смерть связывают с утерей дыхания: *амяа алдаха* ≈ испустить дух (букв. дыхание, жизнь потерять, выронить).

ФЕ *хүнэһэн гараа* – ‘дух вышел’ отражает состояние утери жизненного тонуса человека, у которого ничего не ладится, состояние болезненное и т.д. При этом принимаются меры по «возвращению» души обратно в тело путем содействия, молитвы ламы и призывов близких людей, которые, обращаясь к ушедшей душе по имени данного человека, призывают её. Это составляет обряд *хүнэһэ дуудаха* ‘душу призывать’.

Смерть у бурят также связывается с тем, что человек исчерпывает свою жизнь, возраст *наһан*. Так, пожилой человек – это *наһатай хүн*, *наһажал хүн* (букв. с возрастом человек, поживший человек), *наһаа эдиһэн* (букв. возраст свой съевший) и т.д.

ФЕ *наһа бараха* – умереть (букв. жизнь, возраст исчерпать) образована на ассоциации жизни с чем-то вещественным, занимающим объем, что можно исчерпать, уменьшить. Об умершем естественной смертью (прожившем полный человеческий срок жизни) говорят *наһаа хүсөө* ‘жизнь свою завершил в полной мере’ (букв. возраст, жизнь свою догнал, полностью завершил). Основную семантическую нагрузку несет компонент *хүсэхэ* – многозначное слово, употребляющееся в значении ‘желать’, ‘догонять’, *хүсөөхэ* – ‘исполнить вдогонку’, ‘реализовать’ (например, *һанаһанаа хүсөөхэ* ‘желаемое реализовать’).

Смерть связывают также с прекращением способности видеть: *нюдөө аниха* ≈ закрыть глаза – ‘умереть’. В ФЕ о процессе смыкания глаз с отходом ко сну на основе метонимизации и метафоризации появилось значение ‘умереть’. Закрывать глаза, остаться в темноте означает лишиться полного ощущения жизни. Недаром существует еще одна ФЕ в этом семантическом поле – *мүнхын нойроор нойрсохо* ≈ заснуть вечным сном. То есть смерть понимается как сон, только вечный. Ср. *Үхэхэ хүндэ үгэ хэрэггүй, унтаха хүндэ уһан хэрэггүй*. – Умиравшему слова не нужны, засыпающему вода не нужна.

По буддизму, смерть – это не конец, а лишь переход к другой жизни. *Түрэлөө олохо* – ‘обрести перерождение, родиться заново’ (букв. родню найти), *замбида төөрихэ* – ‘блуждать в поисках перерождения’ (букв. во вселенной заблудиться), *нирваанай дүрэ үзэхэ* – отойти в мир иной (букв. испытать, видеть образ рая) и т.д. – ФЕ, в которых передается мысль о существовании новой жизни после физической смерти.

Бурятский язык богат синонимичными ФЕ о смерти различной стилистической окраски, с национальной спецификой: *шархяа хатааха* ≈ сушить лапти (букв. ичиги (вид обуви) свои сушить), *тагаалал болохо* ≈ почить в бозе, преставиться (букв. благоволением стать) (ср.: х-монг. *таалал төгсөх* (букв. благоволение завершить) и т.д.

ФЕ с семантикой смерти объединяются в разные лексико-семантические группы:

1) со значением перемещения, пути в другое место назначения:

Эрлигтэ ошохо ≈ уйти в преисподнюю, предстать перед богом, на суд божий (букв. уйти к Эрлику, царю подземного мира), *тамада унаха* ≈ гореть в аду (букв. в ад упасть), *нирваанда хүрэхэ* ≈ уйти в лучший мир, отойти в вечность (букв. рая достичь), *тэнгэридэ халиха* ≈ вознестись на небо (букв. к небу перелиться через край), *бурхандаа мордохо* ≈ к богу убыть, *хада гэртээ ошохо* ≈ сойти в могилу, надеть деревянный макинтош (букв. на сопку к своему дому уйти), *нүгөө түби ошохо* ≈ уйти в мир иной (букв. в другой мир, континент уйти); *һүүлшын харгы (зам)* ‘последний путь’ *зүб тээшэнь болгохо* ≈ отправить к праотцам (букв. в правильную сторону сделать, поправить) и т.д.

2) со значением исчерпывания, окончания жизни:

наһа бараха ≈ уйти из жизни (букв. исчерпать возраст), *наһан болохо* ‘скончаться’ (букв. жизнь стала); *наһанһаа нүгшэхэ* ≈ уйти из жизни (букв. от возраста скончаться), *ами алдаха* ≈ испустить дух (букв. жизнь, дыхание потерять, выронить); *үнэһынь хиидхүүлхэ* ≈ развеять прах (букв. пепел развеять по ветру); *богони наһатай* (букв. с короткой жизнью); *амья хорлохо* ≈ наложить на себя руки (букв. жизнь, дыхание свое отравить); *юртэмсын мүнхэ бэшые үзүүлхэ* ≈ отойти в вечность (букв. показать, что вселенная не вечна) и т.д.;

3) со значением изменения положения, состояния тела:

гүзөөгөө шоройдуулха ≈ в земле сырой лежать (букв. желудок свой дать покрыть землей), *бэээ урилха* – ‘переродиться’ (букв. тела своего положение сменить), *яһаа хаяха* ≈ сложить кости (букв. кости свои бросить); *яһынь бариха* ≈ предать земле (букв. кости чьи-либо держать); *нюдөө аниха* ≈ глаза закрыть, *нюдынь анюулха* ‘лишить жизни’ (букв. заставить закрыть глаза); *зүрхэн тогтоо* – ‘сердце остановилось’; *бэээ амаруулха* ≈ на покой (букв. телу своему дать отдохнуть) и т.д. Группа представлена соматическими ФЕ.

Данные ФЕ не содержат в своем составе слова *үхэхэ* ‘умирать’, но передают значение смерти как процесса. Можно отметить, что денотативная часть семантики выходит на передний план.

Так, основным семантическим содержанием поля концепта «смерть» является «прекращение жизни человека, гибель», «крайняя опасность, жестокость», дополнительное значение – «проявление высшей силы, управляющей всем живым», «быть в плохом состоянии», «неизбежность прекращения жизни человека», «смерть – переход в другую жизнь».

ФЕ и лексемы, связанные с народной традицией понимания, указывают на то, что смерть принимается народом как явление обычное и закономерное, при этом ставится ниже жизни. Концепт «смерти» осмысливается как процесс умирания, так и возрождения в другом мире. Как показывает материал, смерть представляется как процесс, действие, состояние, чему способствует превалирование глагольных ФЕ.

Ещё в древнемонгольском памятнике письменности «Сокровенное сказание монголов» (1240) встречается ФЕ *dere absu ükeye* [Монгол-ун нигуча тобчийан = МНТ 1947 §154] – *дэрэ абажа үхэе* ≈ погибнем с честью (букв. подголовник забрав погибнем), т.е. воин погибает, падая на убитого им врага в современном понимании.

Исследование П.О. Рыкина являет собой, на наш взгляд, пример этимологического изучения ФЕ, раскрывающего лингвокультурологическую значимость концепта «смерти». Так, автор пишет: «А более раннее значение восходит к древнему обряду захоронения знатного монгола в земле, вырытой яме, с подложенным под его труп живым любимым рабом» [Рыкин, 2010, с. 280-281]. И. де Рахевильц писал об обычае, согласно которому человек, собирающийся умереть, заранее мстит за себя, убивая врага, чье тело затем подкладывают под него в могилу при погребении подобно своего рода подушке. Убитый таким образом враг должен был выступать в качестве сопровождающего и слуги в ином мире [Rachewiltz, 2004, с. 544].

П.О. Рыкин постулирует «метафорически обусловленное развитие значения ср.-монг., письм.-монг. *dere* ‘подушка’ → ‘лицо низшего социального статуса, чье тело используется при погребении наподобие подушки’ → ‘убитый враг, чье тело используется при погребении наподобие подушки’» [Рыкин, 2010, с. 288].

Также ФЕ *nidün-ü ecine ecitgeya* (SHM §242) – *nidün-ü ečin-eečüdkey-e* (Алтан тобчи Лубсанданзана = LAT 89a) – *nidün-aca dalda bolуay-a* (МНТ 1947 §242) – *нюдэнһөө далда болгоё* ≈ с глаз долой – ‘убить, лишить жизни’ отражает понимание смерти как исчезновение человека с поля зрения живых. Очевидно, это выражение можно отнести к жаргонизму или эвфемизму.

Образная, экспрессивная стихотворная вставка с ФЕ *яһаа хээрэ орхихо* ≈ кости бросить (букв. кости в степи оставить) с словом *үхэл* ‘смерть’ передаёт мысль о том, что лучшая смерть мужчины – смерть с боевым снаряжением, в бою:

Nomu somu-ban bariqsayar Номо һомоёо баруһаар
Sayadaq qoromsaya-ban derelegseger һаадаг хормоонгоо дэрлэхээр
yasu-ban keger-e orkiqu- аса Яһаа хээрэ орхихоһоо
erkim sayin үкүл Эрхим һайн үхэл
er-e kümün-dü bayıqu bu Эрэ хүндэ байха аал? (МНТ §190).

Так контекст демонстрирует положительно-оценочное отношение к смерти в бою, смерть вызывает чувство почтения и гордости. Такая смерть – привилегия мужчины.

Г.Ц. Пюрбеев отмечает в этом памятнике ФЕ *yasu ino bari* ‘предать прах погребению’ (букв. кости чьи-либо держать), которая находится в активном фонде и в современном бурятском языке [Пюрбеев, 1974, с. 227]. Нельзя не отметить дальнейшее развитие этой ФЕ, получившей значение ‘вправлять кости’, ‘что-либо разбить, сломать’ [ФСБЯ, 2014].

ФЕ разделяются по функционально-стилистическим признакам [Тагарова, 2008, с. 8-9]. Так, ФЕ книжного пласта *тагаалал болохо* ≈ почтить в бозе, ‘умереть’ говорится о человеке уважаемом, высокого сана; книжный, торжественный оттенок имеет ФЕ *амиды зула* ‘живой огонек’ или ‘живая свеча’ (лампадка, зажигающаяся перед статуэтками богов на божнице, призванная, в частности, освещать путь душе в поиске нового перерождения) – говорится о людях духовного сана, погибших от пожара. При этом процесс горения храма

выражается лексемой *хайлаха* ‘таять’: *дасан хайлаа* – ‘дацан сгорел’ (букв. дацан растаял).

Шархяа хатааха ≈ сушить лапти ‘умереть’ относится к разговорному пласту ФЕ и говорит о человеке, не вызывающем уважения, о пропащем, никчемном. В художественной литературе встречаются высказывания персонажей с данной ФЕ по отношению к самому себе, что выражает самоуничтожение, досаду [ФСБЯ, 2014, с. 513-514]. Здесь можно отметить универсальное в разных языках – обычай сушить обувь умершего человека, по-видимому, существовал как у русских, так и у бурят-монголов. Название обуви, этнографической реалии, придает национальную специфику ФЕ.

Особенности пространственного соизмерения жизни и смерти бурят воплотились в образе ‘горы’. В результате метафорической концептуализации, как отмечает Е.А. Бардамова, лексема ‘гора’ выступает координатой абсолютного верха в возрастной временной модели. По представлениям древних бурят и в соответствии с традицией захоронения усопших предков в горных расщелинах, души умерших трансформировались в горы: *хада гэртээ хариха* ≈ ‘сходить в могилу’, *хада гэртээ харитарга* ≈ ‘до гробовой доски’ (букв. до того момента, как наступит пора возвращаться в горы) [Бардамова, 2011, с. 61, с.67]. Лексема *хээрэ* ‘степь’ является компонентом выражения ассоциации с местом смерти: *эрэ хүн гэртээ түрөөд, хээрэ үхэдэг* ‘человек рождается в своем доме, но смерть находит в степи’ [Бардамова, 2011, с. 77] и т.д. В древние времена кочевые бурят-монголы хоронили покойников в степи, про умершего говорили *гээгдээ* ‘потерялся’. Считалось, да и в наше время считается, что чем быстрее с лица земли исчезнут останки, тем лучше для будущего перерождения. Поэтому, когда тело умершего, которого везли по степи, падало с коня или телеги, его там оставляли на съедение волкам и грифам. *Гээгдэхэ* имеет значение ‘опаздывать’ и ‘умереть’ в современном языке. В активном фонде также ФЕ *хүдөө табиха (гаргаха)* ‘похоронить’ (букв. в степь положить (вывести)). Доныне у бурят существует разновидность обряда погребения – кремация лам, шаманов и старейшин – *дээгүүр ябуулха* (букв. поверху или вверх отправить), что обозначается эвфемизмом. Ранее буряты воздушному или небесному погребению (тела устанавливали на деревьях) подвергали грудных детей, отсюда образовалась путем метафоризации ФЕ *тэнгэридэ халиха* ≈ вознести на небеса (букв. к небу перелиться через край).

Обычай скармливания останков грифам существовал у тибетцев. «Согласно тибетским верованиям, душа покидает тело в момент смерти, а человек на всех этапах жизни должен стараться приносить пользу. Поэтому мёртвое тело скармливается птицам как последнее проявление благотворительности. Именно такой способ погребения (небесное погребение) многие тибетцы по сей день считают для себя единственно возможным. Исключение делается лишь для Далай-Ламы и Панчен-Ламы. Их тела после смерти бальзамируются и покрываются золотом» [Патологоанатом, 2021].

Указанные примеры демонстрируют образование ФЕ на основе объективных природных и социальных реалий, получивших обобщенное значение.

В основу следующих ФЕ также ложатся пространственные ассоциации. Например: *үхэл амидарал хоёрой хоорондо*; *үхэнэн амиды хоёрой забхарта* ≈ между жизнью и смертью, ни жив, ни мертв; *үхэлэй үүдэ татаха* – готовится к смерти ('букв. смерти дверь тянуть'); *замбида төөрихэ* – 'блуждать во вселенной' (говорится о духе умершего, который находится в поисках тела для нового перерождения) и т.д.

В лексико-семантическое поле *үхэл* 'смерть' можно также включить мифологемы, как единицы наивной картины мира.

Мифологемы-синонимы *шүдхэр*, *ада* 'черт', как воплощение зла, отражают веру в существование подземного мира, ада, в то, что душу человека может забрать нечистая сила. Так, ФЕ *шүдхэр абаг!* 'черт возьми!', *ада үзэхэ* 'ненавидеть' (букв. видеть, изучить черта); *хара боохолдой* 'черный черт', *хара золиг!* от религ. 'кукла из теста для выкупа больного от смерти'; *хара ороолон* 'оборотень' и т.д. употребляются в качестве междометий, выражающих отрицательные эмоции человека, относятся к бранным единицам.

То, что мифологемы представляют лингвокультуру, подтверждают слова В.А. Масловой: «Довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема используется русская ФЕ 'воспарить душой', животворящей субстанцией, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам» [Маслова, 2001, с. 65].

Как писал Хангалов, по поверьям бурят-шаманистов, у человека имеются три души. Первая из них возникает при его творении, она называется «хорошая душа» (*хайн хүнхэн*, лит. *хүнэнэн*) или *заяши*. Эту душу каждый рожденный получает из верхнего мира от светлых божеств – «заянов». Буряты полагали, что душа-*заяши* на протяжении всей жизни человека заботилась о его благополучии, а после смерти возвращается к сотворившим его божествам [Хангалов, 1958, с. 59].

Вторая – «средняя душа» (*дунда хүнхэн*), в образе невидимого воздушного существа-двойника, выходит из тела человека во время сна, посещает разные места, страну духов, все это человек видит как сон. В тот момент, когда душа возвращается к человеку, он просыпается. После смерти человека «средняя душа» приобретает образ вредоносного духа под названием *бохолдой*. Духи-бохолдой не покидают землю, в невидимом для человека воздушном состоянии они присутствуют в жизни живых людей, стараясь довести их своими действиями до смерти.

Третья – «худая душа» (*муу хүнхэн*) всегда находится непосредственно в физическом теле человека, остается в нем и после его смерти [Хангалов, 1958, с. 59-60] на месте захоронения.

Кроме понятия «душа» (*хүнхэн*), у бурят существует понятие «жизненное дыхание» (*амин*), которое связывает воедино представления о жизни и дыхании. Когда человек умирает, то буряты говорят «жизнь вышла» (*амин гараа*), или «жизнь потеряна» (*ами гээгээ*) [Хангалов, 1958, с. 195]. С этим термином связаны важнейшие ритуалы бурятского шаманизма как «одушевление» культовых атрибутов, путем «вселения» в них души-*амин*.

Буряты-шаманисты полагали, что смерть человека наступала по причине того, что злой дух разрывает сердечную аорту его двойника (*ами таһалха*) [Хангалов, 1958, с. 195].

Такой взгляд на причину и процесс смерти описывал и британский монголовед Чарльз Боуден (1924-2016): Согласно монгольским обрядовым текстам XVII-XIX вв., болезнь или смерть вызывались вмешательством разного рода злых духов, которые либо вселялись в тело человека, либо похищали одну из его «душ», в результате чего – при отсутствии должного противодействия со стороны ритуальных специалистов (шамана или ламы) – наступала смерть [Bawden, 1961; Bawden, 1962].

Выражение *үхэлһөө айха юм һаа, амиды ябаһанай хэрэггүй* – ‘смерти бояться – не стоит жить’ демонстрирует отсутствие страха перед смертью, отношение к ней как к чему-то обыденному, хотя и неизбежному, понимание жизни как явления эфемерного, временного. Об этом свидетельствуют и вышеописанные обряды погребения.

Имена *амин* ‘жизнь’ и *үхэл* ‘смерть’ по-разному соотносятся с индивидуальным опытом. Это различие сформулировал М. Монтень: «Что касается смерти, то ощущать ее мы не можем; мы постигаем ее только рассудком, ибо от жизни она отделена не более, чем мгновением» [Монтень, 1991, с. 47]. Универсальным является то, что смерть, будучи определенным моментом жизни каждого человека, неизбежным финалом жизни известна ему «со стороны», по опыту общения с себе подобными. Знания об этой стороне действительности мы получаем также посредством единиц лингвокультуры.

Лингвистическая трактовка үхэл ‘смерти’. Само имя *үхэл* ‘смерть’ по своему денотативному статусу (характеру обозначаемой действительности) является абстрактным субстантивом. В аспекте лингвистических черт рассматриваемое имя признается антонимом ‘жизни’ [Новиков, 1973, с. 238]. В целом лексему *үхэл* ‘смерть’ можно охарактеризовать как существительное неодушевленное, нарицательное, склоняемое, могущее получать формы притяжания личного (*үхэлни, үхэлини, үхэлынь* и т.д.) и безличного (*үхэлэйнгөө, үхэлөө, үхэлдөө* и т.д.), со значением процесса умирания, прекращения жизни, формы множественного числа нет.

Данное имя существительное образовано от глагола *үхэ-* при помощи непродуктивного в настоящее время суффикса *-л*.

Парадигма *үхэл* демонстрирует широкий диапазон сочетаемости словоформы, корень *үх-* является основой образования однокоренных слов, разных частей речи.

Прилагательные: *үхэлгүй* ‘бессмертный’ – имя прилагательное, образованное по модели ‘основа существительного *үхэл* + отрицательная частица *-гүй*;

үхэлтэ атр. ‘смертоносный’ – прилагательное по модели ‘основа существительного *үхэл* + суффикс *-лтэ*;

үхэмэ ‘смертельный’ < *үхэ* + *-мэ* (отметим, что в академической грамматике бурятского языка (1962) такая форма отнесена к причастию);

үхэнги(р) ‘омертвелый’, ‘омертвевший’ < *үхэ* + *-нги(р)*;

үхэдхэнги ‘мертвенный’ < *үхэ* + - *дхэ* + -*нги*.

Глаголы от *үхэ* могут представлять все многочисленные формы бурятского языка: временные формы изъявительного наклонения, формы повелительно-желательного наклонения, деепричастия и причастия. Отметим, что приведение всех глагольных форм займет много места – это отдельная тема, требующая своего освещения в специальной работе. При этом глагол *үхэ*-, будучи отнесенным к человеку, имеет пренебрежительный оттенок, так, сказать *тэрэ үхөө* значит выразить неуважение к покойнику, поэтому следует говорить *наһа бараа* ‘скончался’ (букв. возраст, жизнь исчерпал) или *бурхандаа мордоо* ‘к богу убыл’ и т.д. Данный глагол может быть соотнесен и с животными и растениями.

Причастие со значением возможности: *үхэмөөр* ‘убийственный’ – < *үхэ* + -*мөөр*; **причастие** будущего времени: *үхэдхэхэ* побудит. от *үхэхэ* ‘обмирать’ < *үхэ* + -*дхэ* + -*хэ*

Существительные:

үхэлгэ ‘падёж’ (скота) – *үхэл*+ суффикс -*лгэ*; *үхэмэр* ‘негодник’; ‘чёрт’ (бран.) – < *үхэ* + -*мэр*; *үхэдэл* ‘труп’; ‘могила’; ‘упырь’, ‘чёрт’ – < *үхэ* + -*дэл*; *үхэдэл шүдхэр* (парн.) ‘нечистая сила’; *үхэл гарза* парн. ‘падёж’, ‘гибель’ (букв. смерть + убыток). Отметим, что суффикс -*дэл* слову *үхэдэл* придает резко негативную оценку. *Үхэдэл* имеет форму множественного числа: *үхэдэлнүүд*, употребляется как бранное в адрес человека.

Свободные словосочетания:

үхэлэй аюул ‘угроза смерти’; ‘смертельная опасность’: существительное в родительном падеже + существительное в именительном падеже; *үхэлөө айха* ‘бояться смерти’; *үхэлөө хүлээхэ* ‘ждать смерти’ и т.д. *Үхэл* характеризуется широкой валентностью.

На основе метонимизации, затем метафоризации образуются ФЕ.

ФЕ наречные: *үхэлэй эрмэг дээрэ*, вариант *үхэлэй амһар дээрэ* ≈ на краю гибели: сущ. род. п. + сущ. им. п. + послелог; *үхэн үхэтэрөө* ≈ до самой смерти; *үхэхэн амитанай бодохоор* – мертвого поднимет (букв. умершему существу можно встать); *үхэхэн хойноо* ≈ в гробу видал, никогда (букв. после смерти) (выражение пренебрежения, презрения) и т.д.

ФЕ субстантивные: *үхэлэй* (диал. *үхэли*) *үүдэн* ‘ворота смерти’ (место расположения Эрлэн-хана (Эрлиг-хана), через которое проходят души всех смертных после суда над ними и больше не возвращаются к земному бытию); *үхэл газар* ‘уязвимое, смертельное место’ – здесь существительное *үхэл* выполняет функцию определительную; *үхэлтэ ашаан* ‘смертоносный груз’; *үхэлтэ хүн* ‘смертный человек’; *үхэмэ үбшэн* ‘смертельная болезнь’; *үхэнгир юумэн* ‘мертвечина’ – по модели прилагательное + существительное; *үхэхэн мяхан* ≈ мертвецки пьян (букв. умершее мясо) и т.д.

ФЕ атрибутивные: *үхэмэ хүйтэн* – ‘смертельно холодный’ – по модели прилагательное + прилагательное; *үхэхэн мал шэнги* ‘как мертвый скот’ (об отсутствии какого-либо проблеска интеллекта в глазах) и т.д.

ФЕ глагольные: разг. *үхэдхэн унашаба* ‘замертво упал’ – модель деепричастие слитное + глагол прошедшего времени; *үхэтэрөө энээхэ* ≈

смеяться до упаду (букв. смеяться до смерти) – деепричастие предельное + глагол; бран. *үхэдэлөө бэдэрхэ* – ‘искать смерть’ – существительное винительного падежа безличного притяжания + глагол; разговорное, отрицательно-оценочное : *үрөөнэн хүлөөрөө үхээри соо гзихэхэ* ≈ одной ногой в могиле стоять, нейтральный вариант *үрөөнэн хүлөөрөө нүгөө түбидэ байха* ‘одной ногой быть в ином мире’; нейтральные *голынъ таһалха* – умертвить, ‘аорту прервать’ (о закалывании барана, о лишении жизни человека); *сагаа хүлээхэ* ≈ ждать своего часа (ждать смерти) и т.д. Модель существительное + глагол;

книжное, почтительное выражение – *тэнгэридэ халиха* – ‘на небо вознестись’ (букв. к небу перелиться через край); *түрэлөө урилха* – ‘переродиться’, ‘сменить родню’; *бурхандаа мордохо* – ‘убить к богу своему’, *жанша халаха* ‘о смерти буддийского священника’ (букв. одяние священника сменить); *баатарай үхээлөөр унаха* ≈ пасть смертью храбрых и т.д.

ФЕ глагольно-пропозициональные (со структурой предложения) [Тагарова, 2008, с. 167] состоят из слов со свободным значением, при этом являются устойчивыми выражениями обобщающего смысла:

үхэнэн шүдхэрһөө амиды шүдхэрынъ аюултай – ‘живой черт опаснее мертвого’ – предостережение об опасности какого-либо существа;

үнеэн үхэхэдөө хүтэй болодог – ‘павшая корова всегда молочная’ говорится, когда вдруг осознают ценность того, что утеряно, и что не ценили раньше;

үхэхээз ханахадаа үбһэнһөө шагтагалдаба ≈ хвататься за соломинку – (букв. умирающий за сено, травку цепляется). ФЕ ‘хвататься за соломинку’, ‘схватиться за соломинку’ относится не только к утопающему, но и к любому человеку, который будучи растерянным в тяжелой ситуации, поспешно ищет спасения, прибегая к крайнему средству, которое помочь не может [Федоров, 1995, с. 343].

В паремиях выражается универсальное, общечеловеческое понимание жизненных ситуаций, поэтому их соответствия присутствуют в разных языках.

Приведенные языковые единицы показывают, что слово *үхэл* является продуктивной частью лингвистического процесса, обладает широкой валентностью, его семантика может передаваться в словосочетаниях и без его непосредственного присутствия.

Заключение

Нами была предпринята попытка рассмотрения лингвокультурологических особенностей отражения концепта *үхэл* ‘смерть’ в бурятском языке. Словообразовательный потенциал имени *үхэл* ‘смерть’ достаточно высок, семантическая мотивированность деривата устанавливаются через суффикс производящего имени; специфика парадигматических отношений имени *үхэл* ‘смерть’ – в широкой разветвленности смыслов лексико-семантических групп.

ФЕ отражают национальную культуру своими прототипами, через определенные обычаи, традиции, особенности быта и культуры. При этом в

семантике бурятских ФЕ, относящихся к концепту 'смерть', денотативное, прототипическое значение довлеет над метафорическим, что демонстрирует лексический состав ФЕ, содержащий указание на сферу материальной культуры.

Семантический анализ языковых единиц позволил выявить, что представления о жизни и смерти в большой степени связаны с эмоциями.

Материалы показали, что концепт «смерть» универсален для разных языковых картин мира (например, в части наличия души и ее отделения от тела и дальнейшего существования после смерти человека), ФЕ этой сферы отличаются лишь некоторыми этнографическими элементами. В целом ФЕ, отражающие наивную картину мира, отличаются образностью, глубиной обобщения наблюдений над явлениями смерти и жизни, приближаясь к научной картине мира.

Моделирование субстантива «смерть» как концепта шире и глубже по сравнению с лексикографической интерпретацией. Образы народной культуры, связанные с концептом *ухэл*, выявляются в результате моделирования глагольно-атрибутивных словосочетаний и паремий.

Концептуальный анализ ФЕ со значением смерти, ФЕ, включающих в свой состав компонент *ухэл*, существенно раскрывает фрагмент национальной картины мира.

Ядерным компонентом концепта *ухэл* 'смерть' является образ. Присутствует информационное содержание благодаря лексемам, указывающим на элементы обрядности, материальной культуры. В семантическом поле выделяется оценочная зона, представленная ассоциациями, связанными с восприятием смерти. Бурятские ФЕ и лексемы указывают на то, что смерть принимается народом как явление обычное и закономерное, а жизнь – эфемерное, временное. Понятие «смерти» осмысливается как явление двойственное, отражающее как процесс умирания, так и зарождения. На принятие смерти как перехода в последующую жизнь оказала влияние философия буддизма и шаманизма.

Библиографический список

- Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 272 с.
- Антология концептов: [словарь] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2007. 332с.
- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка / Ю. Д. Апресян. М.: Языкознание, 1995. 472 с.
- Бардамова Е. А.* Пространство в языковой картине мира бурят: монография / отв. ред. П. П. Дамбуева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2011. 200 с.
- Бертагаев Т. А.* Об устойчивых фразеологических выражениях: сб. трудов по филологии. Улан-Удэ: НИИКиЭ БМАССР, 1949. С. 64-119.
- Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 156-180
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
- Монтень М.* Опыты. Избранные главы: монография. М.: Правда, 1991. 655 с.

- Новиков А. О душах живых и мертвых. Впереди идущие / А. Новиков. М., 197. 832 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Из наблюдений над фразеологией языка «Сокровенного сказания» // Исследования по восточной филологии: сб. ст. М.: Наука, 1974. С. 226-230.
- Пюрбеев Г. Ц. Концепт души в культуре монгольских народов // Altaica-IV. ИВ РАН [сборник статей и материалов], 2000. С. 101-107.
- Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки: сборник статей / отв. ред. Ю. Е. Березкин, Л. Р. Павлинская. СПб., 2010. С. 239-301.
- Солодуб Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учеб. для студентов филол. фак. и фак. иностр. Яз / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. М.: Флинта: Наука, 2002. 264 с
- Тагарова Т. Б. Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. 341 с.
- Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / ред. В. Н. Телия. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 13-25.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. [В 3 т.] / Под ред. и с предисл. Г. Н. Румянцева; Сиб. отд-ние АН СССР. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958-1960. Т.1. 551 с. 1959. Т. II. 443 с. Т. III. 421 с.
- Bawden C. R. The Supernatural Element in Sickness and Death according to Mongol Tradition. Pt. 1 // AM. New Series. 1961. Vol. 8, pt. 2. P. 215–257.
- Bawden C. R. The Supernatural Element in Sickness and Death according to Mongol Tradition. Pt. 2 // AM. New Series. 1962. Vol. 9, pt. 2. P. 153–178
- The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century* / Transl. with a Historical and Philological Commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1–2. (Brill's Inner Asian library; Vol. 7/1–2).
- Баянсан. Ж. Соёл, хэл, үндэстний сэтгэлгээ. Нэмж зассан II хэвлэл / хянан тохиолдуулсан: Б. Мөнгөнцэцэг, Т. Эрдэнэ-Очир. Улаанбаатар: Монгол Улсын Их сургууль, 2016. 227 т.

Словари и источники

- Монгол-ун нигуча тобчийан / перев. Ц. Дамдинсүрүн. Улан-Батор: Улус-ун хэвлэл-үн үйлэдбүри, 1947. 263 с.
- Патологоанатом Radolski: жизнь и смерть онлайн // [Электронный ресурс]. URL:<https://padolski.livejournal.com/> (дата обращения 02.03.2021)
- Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. М.: Феникс, 2008. 816 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42-67.
- Телия В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь, 1998, с. 559
- Теоретические основы и определение научной картины мира // [Электронный ресурс]. –URL: <https://poisk-ru.ru/s58477t2.html> (дата обращения: 28.02.2021)
- ФСБЯ – Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т.Б. Тагарова. Иркутск: ИГУ, 2014. 565 с.
- Царенко П. С. Жизнь после смерти // [Электронный ресурс]. – 2009. URL:<https://vse.kz/blog/1939/entry-6568-zhizn-posle-smerti/>(дата обращения: 28.02.2021)
- Шагдаров Л. Д. Буряад-ород толи. В двух томах / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов / Научный редактор Б.Д. Цыренов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН 2008, 2010. 636с.+708с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2-х т. / Сост. А.Н. Федоров. – Новосибирск: «Наука», Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – Т.1: А-М. - 391 с. Т. 2: Н-Я. – 396 с.

References

- Alefîrenko N. F.* Phraseology in the light of modern linguistic paradigms: Monograph. Moscow: Elpis Publishing House, 2008. 272 p. (In Russian).
- Anthology of concepts: [dictionary] / Ed. by V.I. Karasik, I.A. Sternin. Volume 6. Volgograd: Paradigma, 2007. 332 p. (In Russian).
- Apresyan Yu. D.* The image of a person according to language data / Yu.D. Apresyan. M.: Linguistics, 1995. 472 p. (In Russian).
- Barदारова E. A.* Space in the language picture of the world Buryat: monograph / edited by Polina Dambueva. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2011. 200 p. (In Russian).
- Bawden C. R.* The Supernatural Element in Sickness and Death according to Mongol Tradition. Pt. 1 // AM. New Series. 1961. Vol. 8, pt. 2. P. 215–257. (In English).
- Bawden C. R.* The Supernatural Element in Sickness and Death according to Mongol Tradition. Pt. 2 // AM. New Series. 1962. Vol. 9, pt. 2. P. 153–178. (In English).
- Bayansan Zh.* Reflections on the national culture and language. Expanded revised 2nd edition. / editors B. Mönгнөтsetseg, T. Erdene-Ochir. Ulaanbaatar: Mongolian State University, 2016. 227 t. (In Mongolian).
- Bertagaev T. A.* On stable phraseological expressions / Collection of Works on Philology. Ulan-Ude: NIiKIE of Buryat-Mongolian Autonomous Republic, 1949. Pp. 64-119. (In Russian).
- Gumbol'dt V.* About the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind // Selected works on Linguistics. Moscow, 1984. pp. 156-180. (In Russian).
- Khangalov M. N.* Collected works. [In 3 vols.] / [Ed. and with a preface by G. N. Rumyantsev]; Sib. Department of the USSR Academy of Sciences. Drilled. comprehensive scientific research. in-t. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1958-1960. Vol. 1. 551 p. 1959. Vol. II. 443 p. T. III. 421 p. (In Russian).
- Maslova V. A.* lingvokulturology: textbook for students of higher education institutions. Moscow: Publishing Center "Academy", 2001. 208 p. (In Russian).
- Montaigne M.* Experiments. Selected chapters: monograph. Moscow: Pravda, 1991. 655 p. (In Russian).
- Piurbeev G. TS.* From observations of the phraseology of a language of "Secret History", Studies in Oriental Philology: collection of articles. M.: Nauka, 1974. P. 226-230. (In Russian).
- Piurbeev G.Ts.* The concept of the soul in the culture of the Mongolian peoples // Altaica-IV. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences [collection of articles and materials], 2000. P. 101-107. (In Russian).
- Rykin P. O.* The Concept of death and funeral rites in medieval Mongols (according to written sources) // From Genesis to another existence: Folklore and burial ritual in the traditional cultures of Siberia and America: a collection of articles / ed. by E. Berezkin, L. R. Pavlinskaya. SPb., 2010. P. 239-301. (In Russian).
- Sologub Y. P., Albrecht F. B.* Modern Russian language. Lexicon and phraseology (comparative aspect): textbook for students of philological faculty and of faculty of Foreign languages. M.: Flinta: Nauka, 2002. 264 p. (In Russian).
- Tagarova T. B.* Conceptual and pragmatic characteristics of phraseological units of Buryat fiction: monograph. Irkutsk: publishing house of Irkutsk State University, 2008. 341 p. (In Russian).
- Teliya V. N.* Primary tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture // Phraseology in the context of culture: collection of articles / Ed. by Teliya V.N. Moscow: "Languages of Russian culture", 1999. P. 13-25. (In Russian).
- The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a Historical and Philological Commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1–2. (Brill's Inner Asian library; Vol. 7/1–2). (In English).

Dictionaries and sources

The Secret history of the Mongols / adapted TS. Damdinsuren. Ulaanbaatar: State publishing house, 1947. 263 p. (In Mongolia)

Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture: 3rd ed. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2004. Pp. 42-67. (In Russian).

Phraseological dictionary of the Buryat language / comp. T.B. Tagirova. Irkutsk: ISU, 2014. 565 p. Theoretical foundations and definition of the scientific picture of the world <https://poisk-ru.ru/s58477t2.html> (Date of request 28.02.2021) (In Russian).

Tsarenko P. S. Life after death <https://vse.kz/blog/1939/entry-6568-zhizn-posle-smerti/> (Date of request 28.02.2021). (In Russian).

Pathologist Padolski: Life and Death Online <https://padolski.livejournal.com/> (Date of request 02.03.2021). (In Russian).

Starichenok V. D. Large linguistic dictionary. M.: Feniks, 2008. 816 p. (In Russian).

Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 volumes / Comp. A.N. Fedorov. - Novosibirsk: "Nauka", Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences, 1995. - Vol. 1: A-M. - 391 p. Vol. 2: N-Ya. - 396 p.